



DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120

Эссе

Глобализация и языковая политика

Э.Д. Сулейменова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

Освещаются острые вопросы взаимоотношения глобализации и языковой политики на примере русификации как процесса целенаправленной гомогенизации в языковом отношении в годы советской власти. Виды языковой политики (вернакулизация, монолингвизм, мультилингвизм) рассматриваются как ответ на давление глобализации.

Ключевые слова: глобализация, язык глобализации, вернакулизация, монолингвизм, мультилингвизм

Человечество не раз переживало периоды военно-политической, экономической, идеологической, религиозной, культурной и иной глобализации, часто переходящей в агрессию и последующую экспансию, игнорирующей границы и всякий раз осуществлявшейся под флагом какого-либо языка. Менялись цели, формы, средства и вывески глобализации, но с завидной регулярностью она приводила к изменению карты языков мира: расширялись границы одних языков, исчезали другие, появлялись третьи...

В свое время тюркский каганат решительно изменил этническую и языковую среду громадной территории.

Арабский язык способствовал интеграции мусульманских народов на территории арабского халифата.

Латинский язык, распространившись в пределах Римской империи, привел к появлению новых языков в Европе.

Русский язык в Советском Союзе был проводником советской идеологии и всемерно способствовал русификации громадной страны.

Сегодня мы все больше говорим о глобализации, и ее «лицом» стал английский язык.

Глобализация — это сближение и усложнение взаимосвязей государств и людей, проявляющиеся по-разному. Глобализация неизбежна, она проявляется не только в политике, экономике, технологии, медицине, но и в культуре. Глобали-

© Сулейменова Э.Д., 2019



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

зация активна, и ее осязаемое влияние можно увидеть не только в обыденной жизни, но и в меняющемся мировоззрении. Глобализация манипулятивна, и слова, понятия, интерпретация фактов и событий через СМИ, рекламу, шоу, поп-культуру и т.д. транслируют образцы поведения и направлены на изменение сознания человека и общества [1].

На собственном опыте мы убеждаемся, что расстояния между странами стали меньше — и в этом нам помогает все возрастающая скорость передвижения; что бизнес и рынки игнорируют государственные границы — и в Сингапуре, Вашингтоне или Аягузе полки заполнены одинаковыми товарами с инструкциями на английском языке; что Wi-Fi позволяет нам общаться в Сети — и никто, как раньше, не может контролировать информационные потоки; что мы как туристы или «сетевые жители» чаще и чаще в реальной жизни или онлайн вступаем в диалог с представителями «иных» языков, культур, цивилизаций.

Все это неизбежно привело к тому, что изменилось наше восприятие мира, или, иначе говоря, «мир стал субъективно меньше» или просто «мир стал меньше». Таков один из парадоксов глобализации: субъективно мир стал меньше — и это оказывается объективной данностью.

Мы можем считать, что это очень плохо или, напротив, убеждать себя, что это очень хорошо. Можем доказывать неизбежность разрушительных процессов глобализации. Можем рассуждать о том, сколько бед она несет уникальности национальных культур и языков...

Глобализация и проблемы, с которыми она связана, заставляют государства и людей или открыто идти навстречу опасностям, не соглашаясь на компромиссы, или, напротив, приспособляясь, искать и находить выгоды в активном противостоянии или пассивном принятии ее последствий. Всякое наше действие оказывается тем самым произвольным или непроизвольным рефлексом на воздействие глобализации, а изменения в языковой политике — в той или иной степени осознаваемым ответом на всепроникающее воздействие глобализации.

* * *

В качестве примера можно сослаться на факты недавней истории, когда «глобализация в отдельно взятой стране» имела «русское лицо», когда русификация, осуществляемая неявно и явно по всем фронтам — экономическому, социальному, демографическому, культурному, образовательному и т.д., проявлялась практически во всех сферах жизни и неизбежно сказывалась на развитии всех языков, вовлеченных в социалистическую консолидацию [2]¹.

Действительно, советская языковая политика в отдельные периоды в меру последовательно и с хорошими результатами поддерживала языки: появились аз-

¹ В советской языковой политике, по А.Е. Кибрику, выделяется период 20—40-х годов (признание самобытности языков, создание письменности и переход в 20-е годы на латинскую, в 30-е годы — на кириллическую графику). Факт перехода на кириллицу знаменовал подчинение всех языков приоритету русского языка, ориентацию на всеобщую русификацию населения СССР. Период до 70-х годов — создание однородного советского общества, пренебрежение к малочисленным языкам. Период конца 80-х годов — борьба за суверенитет и престиж языков, движение за сохранение малочисленных языков и самосознание этносов.

буки и грамматики большого числа языков Севера; были созданы и внедрены единые учебные планы и программы как по русскому языку, так и по национальным языкам автономных республик, краев и областей. При этом вся языковая жизнь громадной страны в соответствии с принципом централизма жестко регулировалась из Москвы.

Особая роль в процессах строительства советского государства, как известно, отводилась русскому языку. С одной стороны, русификация в Советском Союзе носила неявный характер, поскольку даже законов, подтверждающих официальный или государственный статус русского языка, не существовало. С другой стороны, русификация, основанная на необъявленной идеологии моноязычия (точнее, русскоязычия), вполне откровенно провозглашалась в основных документах страны (Конституции СССР, Программах КПСС, постановлениях правительства и др.), научных и учебных изданиях.

Русский язык как главный язык страны успешно развивался и противостоял другим языкам, продолжая расширять и уплотнять свое коммуникативное пространство и демонстрируя всему миру эффективность проводимой политики языковой гомогенизации. Иначе говоря, государство стремилось создать человека с однородной политической, идеологической и культурно-языковой идентичностью. Для этого использовались единые стандарты образования в школе и вузе, требовавшие достаточно высокого уровня владения русским языком специалистами всех профессий, в том числе военными.

Часть казахов, оказавшись в тисках планомерной русификации, подверглись языковому сдвигу, а также «множественности/растеканию идентичностей», «кризису идентичностей» [3]. Реализацию межпоколенной и внутривозрастной языковой трансмиссии в таких случаях взял на себя русский язык [4].

Оказалось, что именно для казахского социума *витальность казахского языка vs. языковой сдвиг* составили особенно жесткую оппозицию, преодолеть которую уже в независимом Казахстане, несмотря на политические успехи, оказалось не так просто: число казахов — представителей разных поколений — не усвоивших по той или иной причине казахский язык и оказавшихся, в свою очередь, не способными передать его своим детям и внукам, продолжает оставаться ощутимым [5].

В пределах большого советского государства происходили глобализационные процессы, сопровождавшиеся агрессивным распространением русского языка и изменением языковых установок старших поколений: исчезали одни языки [6; 7]¹, другие переходили в разряд миноритарных, а языки, получавшие «поддержку» как языки республик, постепенно оказывались на периферии, «обслуживая» исключительно национальную культуру в театре, различных видах литературы (художественной, философской, религиозной, учебной и т.д.), традиционных

¹ Казахстан не избежал исчезновения языков этносов, насильно оторванных в ходе депортации от материнского ареала: более 100 языков высокого риска (от 1 до 300 человек потенциальных носителей), утратив естественные условия сохранения языка (компактное расселение на автохтонной территории, межпоколенную языковую трансмиссию, школы и др.), испытывают давление доминирующих русского и казахского языков и находятся в ситуации *языкового сдвига* (Итоги Национальной переписи населения 2009 года в РК. — Астана, 2010).

промыслах, но практически не используя в политической, экономической, научной, деловой сферах и присутствуя в них зачастую как символ демократичности языковой политики.

За пределами советского государства русский язык уверенно укреплял позиции мирового языка и, как казалось, надолго стал активным участником глобального языкового процесса. Геополитические процессы на территории бывшего Союза резко изменили положение русского языка как в пространственном, так и в статусном отношении, в борьбе мировых языков русский язык (как, впрочем, французский и немецкий языки) не выдержал конкуренции с английским языком. В этой связи интересно категоричное мнение В.М. Алпатова: «В период противоборства двух систем во многих сферах, включая языковую, спорили две модели глобализации. Однако после распада СССР у английского языка конкурентов не осталось» [8].

Сегодня глобализация с «английским лицом» перешагнула границы многих государств и оказывает сильнейшее диффузное воздействие на функционирование языков самых разных регионов. Естественно, что всякое государство стремится в первую очередь защитить свой язык или языки от «победоносного давления» главного языка глобализации. Поэтому подобную политику считают *протекционистской*, поскольку она направлена на «защиту определенных языков с помощью различных преференций, льгот и стимулов» [9].

Однако уже давно существует более приемлемая, распространенная и лишенная оценочности квалификация подобной языковой политики как *вернакулизации*¹. Данный вид языковой политики основан на идее восстановления функций местного (автохтонного, титульного) языка и провозглашении его государственным, официальным языком. К вернакулизации прибегают в странах, получивших независимость или во вновь образованных государствах, использующих язык как один из символов государственности. Ярким примером языковой политики вернакулизации является шквал государственных языков, сопровождавший «парад суверенитетов» постсоветских государств.

Идеология и политика вернакулизации в Казахстане была мотивирована целым рядом причин: помимо противостояния русификации (советского варианта языковой глобализации) и огосударствления языка титульной нации, немаловажными были соображения собственно возрождения (*language revival*) казахского языка во всех коммуникативных сферах и воссоединения казахского этноса, разделенного по владению/невладению казахским языком [10]. Так, политика вернакулизации в Казахстане с самого начала ее осуществления оказалась политикой усиления витальности казахского языка и обнаружила тем самым глубокую и органичную идеологическую связь с политикой *монолингвизма*. И вернакулизация, и монолингвизм возникают как прямой и непосредственный реф-

¹ Самыми распространенными видами языковой идеологии и языковой политики, описанными У. Лабовым, Дж. Эдвардсом, Б. Спольским, Р. Капланом, Дж. Фишманом, Д. Аджером и другими на примере разных стран, являются вернакулизация; моноязычие (монолингвизм, ассимиляция, унификация, гомогенизация); мультилингвизм (языковой плюрализм, плюралингвизм, многоязычие), интернационализация и др.

лекс на действие глобализации. Однако различия между ними весьма существенны, как значительны и их сходства.

Явные и скрытые цели вернакулизации и монолингвизма сводятся к легитимации одного языка в многоязычном обществе и в крайнем своем проявлении приводят к языковой ассимиляции, унификации, гомогенизации страны (термины «языковая ассимиляция», «языковая унификация», «языковая гомогенизация» синонимичны, однако два последних представляют собой эвфемистические варианты более жесткого термина «языковая ассимиляция»).

В государствах с доминирующей языковой идеологией и политикой монолингвизматолько один язык непосредственно ассоциируется с национальной идентичностью и предполагается, что каждый гражданин, независимо от его этнической принадлежности, обязан выучить основной язык государства. Вместе с тем, как ни странно это звучит, идеология монолингвизма основана на идее равенства языков и иллюзии возможностей того, что любой язык, став национальным, официальным, государственным, окажется способным выполнять весь объем функций. Впрочем, присоединимся к рассудительному мнению Э. Хобсбаума, что «в нашем распоряжении сегодня имеются не равноценные, а взаимодополняющие языки, независимо от наличия или отсутствия у них официального статуса».

Поэтому сколько бы ни усиливалась политика вернакулизации и монолингвизма различными мероприятиями со стороны государства и просто носителей языка, глобализующийся мир, трансформировавшиеся тексты (а сегодня вместо традиционного письма это дисплейные тексты с гиперкодами) и давление со стороны главного языка глобализации делают свое дело.

В современном мире под влиянием глобализации, широкого применения информационных и сетевых каналов, стандартов потребления произошли кардинальные изменения в распределении стратегий, языковых средств и возможностей коммуникации.

Кросс-культурная коммуникация также открыла шлюзы для потока заимствований разнообразной, в том числе самой экзотической лексики, даже в тех частях лексикона, которые считались малопроницаемыми.

В других же сферах лексикона, которые всегда были и остаются доступными для заимствований, сегодня наблюдается тотальная интервенция англоязычной лексики, которую невозможно регулировать самым строгим пуристам. И это не только и не столько иноязычная лексика, сопровождающая внедрение компьютерных и техногенных новшеств. В этой области, как известно, создаются словари, издаются справочники и пособия, в которых упорядочиваются и дефинируются заимствованные языковые единицы, даются рекомендации по их употреблению.

Практически без постоянного системного внимания лингвистов остаются мир игрушек и игр (в первую очередь компьютерных), индустрия развлечений, спорт, мода, одежда, продукты питания, кулинарные рецепты, бытовая техника и предметы быта, т.е. все то, что на самом деле окружает повседневную жизнь обычного человека, что заставляет его *желать* и *приобретать*, *использовать* и *выбрасывать*, *носить* и *примерять*, *пробовать* и *есть*, *играть* и *выигрывать*, что включается в

ежедневное общение, которое сегодня стало практически невозможным без новой или обновленной лексики.

Так как же мы сегодня живем и говорим?

Мы можем быть *фрилансерами* или удаленными сотрудниками и работать, не выходя из дома;

торопясь увидеть фильм-новинку, мы пользуемся *сидами* и *пирами* в *торрентах*; хотим пройти осмотр врача, а попадаем на *скрининг* и мучительно долго барахтаемся в нем;

мы давно смирились, что вокруг не жизнь, а сплошные *триллеры*, *эксин* или *фэнтэзи*;

предпочитаем новости из *ютюба* (или *йутюба*, *youtub'a*) и читаем в *айпадах* (или в *ай-падах*, *айподах*), что «китайцы в очередях давятся за новыми *айфонами*»;

все меньше пишем письма, *смс* и даже *емейлы*, а предпочитаем перекидываться сообщениями, фотографиями, документами в *ватсапе* (или *ватсапе*, *уотсапе*) и все реже щебечем в *Твиттере*;

нас убеждают, что важен *толлинг* нефти;

неожиданно для себя попадаем в конвейерную индустрию *спид-дейтинга*;

хотим обновить гардероб, а на нас «высыпают» ворох новых названий старых вещей, и мы уже не можем даже предположить, как будем выглядеть в *платье-трансформере* или *бандажном* платье;

став *киберутопистами*, *сетевыми* жителями и людьми из *Фейсбука*, подписываемся на *ивенты* и посылаем *линки*;

организовываем со студентами *флэшмобы*;

пишем статьи для журналов с высоким *импакт-фактором* и нервничаем из-за *квартилей Скопуса*;

получаем права и обнаруживаем себя в какой-то подкатегории с *мокиками*, *трициклами* и *скутерами*;

не *билборд*, а *демотиватор* убеждает нас «остерегаться американских подделок и покупать китайскую обувь»;

мы хотим выпить кофе, а нам предлагают *макьятто*, *макачино*;

наконец, пробуем *мангостин*, который, как и *рамбутан*, своим внешним видом напоминает *личи*, но при этом внешне *мангостин* больше похож на *маракуйю*, а внутри — на *тамарилло*...

Приходишь в еще большее замешательство от общения с внуками, когда слышишь, что они *лолят* или *рофлятся* с *мемисов*; *чатятся* в *Телеге*; со своей *тимой* лихо распознают *селебов*, *хаслов*, *хейтеров* и *агрошкольников*; игнорируют *читеров* и *нубов*, зато ценят *хаслов*; запросто *флексят* и любят *чилить*; лихо могут *твитнуть*, *запостить*, *лайкнуть*, *стримить*, параллельно создавая *хайп*, и, главное, на все имеют собственное *ИМХО*¹ и стремятся его громко озвучить.

¹ Mail.ru в ответ на многочисленные вопросы об ИМХО сообщил, что слово приобрело грамматические признаки существительного среднего рода и свободно склоняется, а также активно участвует в словообразовании (*имхоизм*, *имхошный*, *имховый*, *имхошник*...) <https://otvet.mail.ru/question/86798425>

Языком глобального общения стал английский, и пуристическое регламентирование иноязычных «притоков» в разные части повседневного лексикона оказалось в некоторых названных выше областях практически невозможным.

Это происходит с русским языком.

Казахский язык, как и все крупные языки, оказался также открытым и весьма восприимчивым к овладению английскими обозначениями, которые пришли с конкретными артефактами и концептами нового мира. Казахский язык активно функционирует в молодежной среде и молодежном дискурсе, особенно активно впитывая и поглощая новые языковые формы и значения англицизмов.

Новые условия функционирования и казахского, и русского языков стали отчетливее разделять поколения. Старшее поколение все больше отдалается от молодежи, которая легко и непринужденно погружается в мир интернета и свободно пользуется его всевозможными услугами.

На вызовы глобализации стремится реагировать языковая политика, и это в первую очередь проявляется в ее пластичности.

Стали заметными предпочтения в выборе видов языковой политики: на первое место в национальных государствах вышли вернуакулизация и монолингвизм, поддерживаемые *языковым пуризмом*, или *неопуризмом* новой глобализационной эры.

* * *

Все более обоснованными становятся призывы к вовлеченности разных стран в поликультурный и междивизиационный диалог, ведь только так можно преодолеть непонимание между народами и сохранить уникальные языки и культуры.

Точно так же стали очевидными своевременность и необходимость не только детального анализа всех названных процессов, но и введения в качестве обязательной дисциплины на всех гуманитарных факультетах курса «Социоллингвистики» для адекватного понимания активных глобализационных процессов, установления диалога культур и воспитания этнической и языковой толерантности.

Список литературы

1. *Huntington S.Ph.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. P. 22—49; <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
2. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Универсальное, типовое и специфическое в языке. Москва, 2001.
3. *Сулейменова Э.Д.* Языковой сдвиг (languages hift) и «поворот» языкового сдвига (reversing languages hift); Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Макросоциоллингвистика. Алматы, 2011.
4. *Сулейменова Э., Акберди М., Койшыбаева Г.* Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии. Алматы: Қазақ университеті, 2016.
5. *Suleimenova E.* The vitality of the Kazakh language and language planning // Turcologica 102. Kazakh in post-Soviet Kazakhstan. Ed. by R. Muhamedova. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2015. P. 11—26.
6. *Сулейменова Э.* Языковая политика и динамика языковой ситуации в Казахстане // Russian Language Journal. 2009. Vol. 59. Washington.

7. Сулейменова Э.Д. Экзогенные и эндогенные языки диаспор Казахстана // Этноязыковая ситуация в Казахстане и судьбы репрессированных народов: сб. материалов круглого стола, посвященного ингушскому народу. Астана, 2007.
8. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков. URL: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>
9. Дятленко П. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 3.
10. Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика. Алматы: Қазақ университеті, 2011.
11. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 41.
12. Дисплейный текст: от рун на камне к е-чернилам // Русское языкознание: теория и лингводидактика: материалы международной конференции под эгидой МАПРЯЛ. Алматы, 25–27 сентября 2013.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия к печати: 09.12.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сулейменова Э.Д. Глобализация и языковая политика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 112–120. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120

Сведения об авторе:

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: esuleim@gmail.com

Essay

Globalization and Language Policy

E.D. Suleimenova

Kazakh National University of Al-Farabi
79, Al-Farabi Prospect, Almaty, 050040, Kazakhstan

An attempt is made to illuminate the acute issues of the relationship between globalization and language policy on the example of Russification as a process of purposeful homogenization in language terms during the years of Soviet rule. Types of language policy (vernacularization, monolingualism, multilingualism) are considered as a response to the pressure of globalization.

Key words: globalization, language of globalization, vernacularization, monolingualism, multilingualism

References

1. Huntington, S.Ph. 1993. “The Clash of Civilizations?” *Foreign Affairs*. 72 (3): 22—49; <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>.
2. Kibrik, A.E. 2001. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaviya*. Universal’noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke. Moskva. Pp. 67—71. Print. (In Russ.)
3. Suleimenova, E.D. 2011. “Yazykovoi sdvig (language shift) i ‘povorot’ yazykovogo sdviga (reversing language shift); Arkhetip ‘gadkogo utenka’ i yazykovaya identichnost’”. *Makrosotsiolingvistika*. Almaty. Pp. 101—123; 180—191. Print. (In Russ.)
4. Suleimenova, E., M. Akberdi, and Koishybaeva G. 2016. *Vybor yazyka i korrelyatsii yazykovoi transmissii*. Almaty: Қазақ университети. Print. (In Russ.)
5. Suleimenova, E. 2015. The vitality of the Kazakh language and language planning. *Turcologica* 102. Kazakh in post-Soviet Kazakhstan. Ed. by R. Muhamedova. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. Pp. 11—26.
6. Suleimenova, E. 2009. “Yazykovaya politika i dinamika yazykovoi situatsii v Kazakhstane”. *Russian Language Journal*. 59. Washington.
7. Suleimenova, E.D. 2007. “Ekzogennyye i endogennyye yazyki diaspor Kazakhstana” in *Etnoyazykovaya situatsiya v Kazakhstane i sud’by repressirovannykh narodov: sb. materialov kruglogo stola, posvyashchennogo ingushskomu narodu*. Astana. Pp. 6—30. Print. (In Russ.)
8. Alpatov, V.M. *Globalizatsiya i razvitie yazykov*. Web: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>
9. Dyatlenko, P. 2007. “Yazykovaya politika i yazykovyye reformy v gosudarstvennom i natsional’nom stroitel’stve”. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 6(3). Print. (In Russ.)
10. Suleimenova, E.D. 2011. *Yazykovyye protsessy i politika*. Almaty: Қазақ университети. Print. (In Russ.)
11. Khobsbaum, E. 2005. “Vse li yazyki ravny? Yazyk, kul’tura i natsional’naya identichnost’”. *Logos*. 4(49): 41.
12. Displeinyi tekst: ot run na kamne k e-chernilam. *Russkoe yazykoznavie: teoriya i lingvodidaktika. Mater. mezhd. konf. pod egidoi MAPRYaL*. Almaty, 25—27 sentyabrya 2013 Pp. 6—8.

Article history:

Received: 18.10.2019

Accepted: 09.12.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Suleimenova, E.D. 2020. “Globalization and Language Policy”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 112—120. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120

Bio Note:

Eleonora D. Suleimenova is a Doctor in Philology, Professor, Kazakh National University of al-Farabi. E-mail: esuleim@gmail.com